II.

Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ. *)

Въ одинъ день, Января 1815 года въ 8 часовъ по полудни, сѣвъ въ городовыя сани, выѣхалъ я изъ *Владимiра* съ Архимандритомъ. Дорога была очень хороша, и мы чрезъ полчаса пріѣхали чрезъ селеніе въ *Боголюбовъ*, отстоящій въ 8 верстахъ отъ *Владимiра*. Обогрѣвшись, въ загородномъ домикѣ Архимандрита, мы пошли въ главную церковь, гдѣ показываютъ образъ Богоматери, называемый *Боголюбовскимъ*, потому что его соорудилъ *Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскiй*. Неизвѣстно, гдѣ подлинникъ, здѣсь или въ Москвѣ — въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Владимiрцы никакъ не уступаютъ намъ этой чести. Древность иконы, въ Боголюбскомъ монастырѣ находящейся, доказывается тѣмъ, что доска, на коей она написана, очень ветха; посему ее теперь не поднимаютъ, а носятъ копію. Въ иконѣ,

*) Разсмотрѣвъ дорожныя записки, я рѣшился издать ихъ. Когда понравится отрывокъ, то я смѣлѣе напечатаю цѣлое.

К. К—ъ.

на лѣвой рукѣ вдѣланъ прекрасный золотой крестикъ, съ эмалью и жемчугами, подаренный *Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ*. Ризница прикосновенна къ церкви. Я въ ней былъ. Нѣтъ ничего важнаго: новыя книги и одежды. Тутъ показывали мнѣ планъ и видъ главной Боголюбовской церкви; я просилъ Отца Архимандрита снять для меня оные. Изъ теплой церкви пошли мы въ холодную, построенную *Княземъ Андреемъ Юрьевичемъ*. На лѣвой рукѣ показываютъ окошко, близъ коего *Князь Андрей* молился. Церковь высока, но непросторна. Она вся построена изъ бѣлаго камня. Золото и серебро мало блистаютъ.

Между холодною церквою и колокольнею, въ связи съ обѣими, находится каменная палатка, въ которой жилъ *Князь Боголюбскій*. Къ ней ведетъ узкой ходъ на колокольню, вкругъ каменнаго столба, состоящій изъ нѣсколька ступеней. Вся комнатка расписана по стѣнамъ и вверху новыми, нехудо вымышленными изображеніями, бывшимъ въ семъ монастырѣ Архимандритомъ. Картины представляютъ кончину мучени-

ка. Противъ самыхъ дверей находится окно, проходящее въ холодную церковь, при коемъ Князь молился. Все было мертво вокругъ насъ. Я воображалъ себѣ Князя спящаго въ бурную, темную ночь сномъ глубокимъ. Мнѣ казалось, я слышалъ голосъ убійцы, вызывающаго невинную жертву: *Господине, Господине Княже*! кричитъ одинъ изъ нихъ; и вотъ Князь слышитъ голосъ ему незнаемый, чувствуетъ свою погибель; хватается за мечь, но не находитъ. Предатель конюшій вынесъ его изъ опочивальни. Между тѣмъ убійцы вторгаются въ двери. Уже Князь повергаетъ изъ нихъ одного мертва; уже вонзаютъ въ него самаго мечи и прободаютъ крѣпкія ребра его копьями. Убійцы, думая, что Князь мертвъ, уходятъ; а онъ нещастный, борясь съ смертію, въ безпамятствѣ бросается въ слѣдъ за ними и — стонетъ. Злодѣи слушаютъ и возвращаются. Князь уклоняется влѣво за восходъ лѣстничный. Изверги находятъ его, и снова прободая копьемъ въ сердце, исторгаютъ душу. Мнѣ казалось, я видѣлъ горестную тѣнь его, слышалъ стенанія.

Мракъ ночи усугублялъ мечты. Насъ освѣщали слабо луна и свѣча, тускло въ фонарѣ горѣвшая.

Я сошелъ съ колокольни, грудь моя освѣжилась. — Владимірцы! вы знаете изъ лѣтописей отечественныхъ доблести *Князя Боголюбскаго*. Тѣло его покоится въ вашемъ соборѣ; въ монастырѣ Боголюбовѣ воздвигнутъ во имя его храмъ, а изваянный ликъ достоинъ стоять въ стѣнахъ вашихъ.

Въ монастырскомъ саду показываютъ мѣсто, гдѣ лежало поверженное тѣло нещастнаго Князя. На немъ была посажена пикша. Благочестивые молельщики, отъ разныхъ недуговъ, изгрызли до основанія священное дерево. —

Вправо отъ воротъ, между теплою церковію и холодною, подъ навѣсомъ хранится большая чаша, изъ бѣлаго камня; по бокамъ снаружи и на днѣ внутри вырезаны кресты. Преданіе говоритъ, что чаша была прежде вся изъ одного камня, и въ нее Князь собиралъ деньги для строенія Боголюбской церкви; но Татары разрушили ее. Не вѣрю, ибо знаменитый строитель былъ богатъ и не

имѣлъ нужды въ мирской помощи, притомъ же нужны милліоны для наполненія тогдашнею мѣлкою монетою такой чаши, которая имѣетъ большую глубину и довольно велика въ окружности. Теперь совершается въ ней обыкновенное водоосвященіе, на какой конецъ она кажется устроена.

Боголюбскій монастырь отдѣленъ отъ селенія рвомъ, въ которомъ протекаетъ ручей, и окруженъ земляным валомъ. Жители называютъ *городкомъ* мѣсто, находящееся влѣво отъ монастыря внутри вала.

Осмотрѣвъ Боголюбовъ, поѣхали мы въ Покровскую церковь, лежащую въ полуверстѣ отъ монастыря, на лѣвомъ берегу рѣки Нерли. Церковь довольно велика, и построена вся изъ бѣлаго камня. Извнѣ по стѣнамъ, подъ крышею, и внутри на столпахъ изображены такія же фигуры, какія находятся на Дмитровскомъ и Владимірскомъ соборѣ. Онѣ ничего въ себѣ особеннаго не заключаютъ, представлены въ симметріи и означаютъ псаломъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*! Мы спояли долго на паперти, но никакъ не могли опереть две-

рей. Замокъ крѣпко замерзъ. На лѣвой рукѣ у паперти лежитъ каменной крестъ, съ изсѣченными на верху словами. Время и перемѣны воздушныя сдѣлали письмена неудобными къ прочтенію. Я искалъ года, но не примѣтилъ ни малѣйшаго слѣда, и причетникъ меня увѣрялъ, что онъ при свѣтѣ дневномъ съ трудомъ разбиралъ слова: *да воскреснетъ Богъ*! Слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего новаго. Когда и зачѣмъ положенъ сей камень, никто не вѣдаетъ; я также ночью при свѣтѣ фонаря не могъ опредѣлить его древности. Прежде въ Покровскомъ монастырѣ было Игуменство, подвѣдомое Боголюбовской Архимандріи. Невдали стояли и кельи, но время ихъ истребило. Однажды въ годъ, въ день Покрова Богоматери, иноки Боголюбскіе съ иконами и крестами посѣщаютъ пустынную обитель, и совершаютъ Божественную литургію. Вся утварь церковная взята въ Боголюбской монастырь, которой завѣдываетъ церковію. — Все пустынно вокругъ уединеннаго храма. Одни мы, странники, въ глухую полночь пришли нарушать мертвое молчаніе. Вѣтеръ востъ

вокругъ насъ и завѣваетъ мѣлкимъ снѣгомъ. Я облокотился на крестъ въ задумчивости. „Поѣдемъ, бурно въ полѣ!“ сказалъ Архимандритъ, и вывелъ меня изъ забвенія.

По дорогѣ къ Боголюбову, саженяхъ въ 60 отъ Покровской церкви, на берегу Нерли, при впаденіи ея въ Клязьму, стоялъ другой каменной крестъ, по сказанію старожиловъ, взятой послѣ на церковную потребу. И теперь видно мѣсто, гдѣ онъ водруженъ былъ.

Поблагодаривъ почтеннаго и любезнаго Отца Архимандрита за его безпокойство и пріязнь ко мнѣ, я отъ него поѣхалъ, расположившись ночевать въ 6 верстахъ отъ Боголюбова въ селѣ *Суходолѣ*, принадлежащемъ *П. Е. Языкову*. Въ 60 саженяхъ отъ монастыря ямщикъ мой остановился. Онъ, видя, что мы долго и съ любопытствомъ разсматривали крестъ близъ Покровской церкви, сказалъ: „*баринъ! вонъ еще крестъ, посмотри.*“ Я выскочилъ изъ саней, не смотря на сильную вьюгу, и побѣжалъ къ тому мѣсту, которое мнѣ ямщикъ показывалъ. Величина камня одинакова съ Покров-

скимъ; я ощупалъ на поверхности его слова, также искаженныя временемъ. Близъ его возвышается другой деревянной крестъ, поставленный, по просьбѣ поселянъ, Г-мъ *Языковымъ*.

Въ Суходольской церкви поклонился я образу Тихвинской Богоматери, хорошо украшенному, по особенному усердію, помѣщикомъ *Языковымъ*. Священникъ увѣрялъ меня, что сему образу болѣе ста лѣтъ.

Суходолъ лежитъ при Суждальской дорогѣ, кажется верстахъ въ 20 отъ города. Симъ оправдывается производство Суждаля отъ *сухаго дола*, находящейся въ *Историческихъ запискахъ* о семъ городѣ, сочиненныхъ тамошняго Рождественскаго Собора ключаремъ *Ананіею*.